

4. Gerbert, M. *Scriptores ecclesiastici de musica sacra potissimum* / M. Gerbert. – Bd. I–III. – St. Blasien, 1784. – S. 118a/b.
5. *Gotische Buchmalerei aus Westfalen. Choralbücher der Frauenkloster Paradise und Welper bei Soest.* – Soest, 1997.
6. Stäblein, B. *Schriftbild der einstimmigen Musik* / B. Stäblein // *Musikgeschichte in Bildern.* – B. III/4. – Leipzig, 1975.

ПОЛИТОГЕНЕЗ КОЧЕВОГО МИРА

Б. Г. Нугман

Карагандинский государственный технический университет,
г. Караганда, Республика Казахстан

Summary. This paper reviews the scientific concept – Politogenesis of nomadic civilization (Kazakh), the author's conception of the evolution of forms, the extensive modifications, which began inhabitants of Central Asia from the Bronze Age, the emergence of Kazakh statehood, and the genesis of the Kazakh Tsivil are considered here.

Keywords: Politogenesis, Kazakh, genesis.

Делая первые шаги в третье тысячелетие нашей эры, мы все чаще оглядываемся назад, стараясь через века узреть, «воссоздать» облик тех, кто в невероятно далекие древние времена жил на просторах Евразии. В наши дни тема кочевого мира зазвучала с новой силой, как «вызов» времени, чтобы пояснить в своих глубинах самоидентификацию настоящего.

Человечество, в поисках способа разрешения условий жизни, выбирало свой путь, что находит подтверждение в словах В. Ключевского: «Человек приспосаблиется к окружающей его природе, к ее силам и способам действия, то их приспосаблиет к себе самому, к своим потребностям, от которых не может или не хочет отказаться. На этой двусторонней борьбе он вырабатывает сообразительность и характер, энергию, понятия, чувства и стремления, а частью и свои отношения к другим людям. И чем более природа дает возбуждения и пищи подобным способностям человека, чем шире раскрывает она его внутренние силы, тем ее влияние на историю окружаемого ею населения должно быть признано более сильным».

В пространстве Евразии, и в частности, на территории Казахстана, корни процессов «политического образования» уходят в эпоху бронзы (андроновская, срубная и афанасьевская культуры). Про-

блему политогенеза условно можно обозначить схемой эволюции форм государств, но эта схема гораздо обширнее с точки зрения государства, так как в ней определяется кочевая цивилизация в целом. Поэтому за основу берутся обширные видоизменения «политической организации» для того, чтобы показать «развитие» во всей полноте ее жизни. Эти формы, по содержанию, можно охарактеризовать как единый процесс культурной целостности.

Всем давно ясно, что «пища», «земля», иными словами геополитика – двигатель цивилизации. Изначально Человек, оптимально обеспечив себя пищей, устремлялся к совершенствованию собственного «универсума». Это зависело от совершенства «орудия труда», совершенства «организации труда». Создание продовольственных ресурсов социального организма послужило разделению труда. Это было вторжение в естественный природный процесс. С одной стороны, культивирование скотоводства и земледелия, с другой – питание воздействовало на ход развития человеческого общества вообще.

Следующему скачку способствовало освоение металла. Изготовление орудий и оружия повлияло на дальнейший ход развития человечества. Все перечисленные элементы можно проследить на всех ступенях развития кочевого общества в регионе Центральной Азии.

Моноцентром цивилизации многие ученые считают «Малую Азию» и называют ее «Плодородным полумесяцем», что этот регион стал центром миграции человека во все климатические зоны. Регион Центральной Азии называется пристанищем кочевого типа существование и соответствующих политических образований. То есть регион Центральной Азии характеризуется как территория государств, созданных на кочевом типе жизни.

В научном мире в русле рассмотрения термина «кочевое государство» возникло несколько направлений: государство, созданное в результате завоевания; государство с династиями кочевого происхождения; государство, не завоеванное, в котором кочевники занимают привилегированное положение. Перед тем как пояснить вышесказанное, обратим внимание на феномен номадизма:

Во-первых, уровень хозяйственного развития и сама форма хозяйства специфичны. Скотоводческая специализация и связанный с ней хозяйственный тип (технология) создавали все условия для возникновения сложных форм социальных институтов (аул, род, племя, арыс, улусы, жузы, эль, иерархия чинов, военные институты и т.д.), которые не поддаются дефинициям европейских школ. А также наличие четко отработанного мировоззрения – тенгриизм.

Во-вторых, модель социально-политической организации отображает следующее: заложен принцип института «происхождения» и «генеалогии». То есть, представление об общности происхождения служит идеологическим обоснованием общественной интеграции, приводящим этнические различия в социальные. Род, племя и соответствующие категории (бек, бий, будун и т.д.) превращаются в активное состояние – в систему, где все способности членов мобилизованы. Родство социализирует позиции индивида в обществе, происхождение – легитимизирует. Принцип происхождения концептуализирует структурообразующую роль отношений родства, т.е. в качестве определения территориальных связей родство служит альтернативой выражения социальных отношений. Человек как таковой становится элементом, составляющим род, племя и т.д., что не только налагало на него определенные обязанности, но и давало ему защиту и место под солнцем. Принцип генеалогии идеологически обеспечивает легкую инкорпорацию и адаптацию чужих групп в их собственные без существенной структурной перестройки. Ещё одна из функций генеалогии – легитимизация социального неравенства неоднородной модели. *Высшие уровни организации* (властная структура) не вытекают из производственных процессов, поэтому они представляют собой в первую очередь социально-политический план.

Для полноты понимания истории Центральной Азии следует помнить утверждение Л. Н. Гумилева, что этническое название имеет двойной смысл: непосредственное наименование этнической группы (рода, племени, народа) и собирательное для группы племен, составляющих определенный культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена разного происхождения.

Возникновение царской власти насельников Центральной Азии отражаются в древних текстах Авесты. В ней «власть» трактуется как божественное проявление. Подобные детали характерны для всех кочевников. По Авесте, первого человека, принявшего веру (вера в единого бога), звали Ийма Прекрасный. На него были возложены функции «защитника, охранителя и надсмотрщика мира» – созданного творцом Ахура Мазда. Символами власти, вверенными Ийме, стали «золотая стрела и золотом украшенная плеть». Так, по воле Бога и трудами Ийма была создана страна «Арианам Вайджа».

Вопросами политогенеза скифов занимался также Геродот. Согласно Геродота, от Колаксаиса – царя – «Бога Солнца» произошло племя «парадата». По Авесте парадата рассматриваются как герои, первосущества земного царства. Парадата означает титул – «первозаконник», установитель социальных норм, «впереди поставленный».

Понятия *Ййма* и *Парадата*, не изменившись (по содержанию), дошли и до казахского языка, т.е. суть которого отражена в следующем выражении: Хан *йем айт бір датыңды* (йем – владыка, *бір датың* – истинное слово; Хан владыка скажи истинное слово). В Авесте основатель династии Парадата обозначается как *Хонгианг* Парадата. По божественному велению главным деянием Хонгианга было «устраивать миропорядок социального мира». При нём на землю низошли Свет и Закон истинной Веры.

На основе сопоставительного анализа авестийских, китайских и других работ ряд исследователей сравнительного языкознания считают, что имя первоцаря Хонгианг, видоизменившись, легло в основу термина «Каган», «Хан». Ведь у кочевых народов земное царство воплощено только в лице *царя, кагана, хана*, т.е. богоизбранного предводителя. Социально-политическая структура кочевых обществ евразийских степей для научной терминологии выглядит весьма недифференцированной. Кочевник, говорящий о «своем» и ученый, переводящий его слова в термины, не только говорят на разных языках, но и мыслят различными категориями.

Таким образом, «Аристократы» (царь, гуньмо, шаньюй, каган, хан, султан, эмир) и «демократы» (бек, бий, батыр, будун), которых объединяла система, подразумевало военно-государственные обязанности. Термины царь, гуньмо, шаньюй, каган, хан, султан, эмир приобретают значение – государь. Сущность социальной титулатуры состояла в совмещении военного и родо-племенного строя.

Теперь вернемся к схеме эволюции форм государств или же осветим этапы «единства» в плане кочевой культуры. Она такова:

I. Древнее Царство. XVIII–IX вв. до н.э. Культуры – андроновская, срубная, афанасьевская. Социально-политическая организация: царь – глава страны; военная аристократия – глава дома, рода, племени; жрецы – распорядители культовых обрядов, хранители традиции и знаний; ремесленники; и свободные общинники – пастухи и земледельцы. Весь потенциал эпохи (об этом свидетельствуют археологические находки и памятники), наличие структуры были направлены на создание проекции государства. Исходный культурный пласт, на основе которого происходило формирование культуры последующих кочевников.

II. Новое Царство. VIII–III вв. до н.э. Культуры: Киммерийцы, Савроматы, Саки. С ними связано наступление новой эры. Археологические материалы наглядно убеждают об имущественной поляризации и дифференциации сакского общества. Но эти неравенства были скрыты под покровом генеалогических связей. Существовал

«царский род». Идеологической основой власти являлось представление о ее божественном происхождении. Высока была роль народного собрания. Народное собрание выдвигало уполномоченных от имени царя. Эти избранные представители могли ограничивать власть вождей. В плане общественного устройства было следующее: патронимия (семейно-родственная группа), племя (кочевая община, состоящая из нескольких патронимических групп), союз племен (конфедерация племен одного генеалогического корня, с потестарными функциями власти и начальной формой государственности). Это уже была организация власти и управления, в которую облекался военно-демократический строй. Племенные союзы были новыми и высшими типами социально-политической организации.

Для идеологических и социальных систем характерны следующие структуры: троичное административно-политическое деление, три группы войск, три общественных прослойки и три сына героя-первопредка. Например: первопредки – Таргитай и Колаксай, священные дары с неба. Существование преданий о священных дарах являлось символом общественного устройства. Главной тенденцией при этом было стремление подчеркнуть общность происхождения всех саков, обосновать божественное установление присущих им политических и социальных отношений.

III. Государство Ранних Кочевников. Конец I тыс. до н.э. – IV–V века нашей эры. Культуры - Сарматы, Уйсуны, Кангюи, Кушаны и Гунны.

Они под воздействием хозяйственного, социального и политического развития переживали радикальные трансформации. Этот процесс усугублялся эволюцией собственности, торговли и денежного обращения. Свидетельством тому являются находки «именных» печатей. В социальном плане государства представляли собой сложные образования. Именно иерархия родов и племен была столь же строгой, как и их общественно-политическая структура. В этих случаях степень реализации права человека целиком зависела от его места в родоплеменной иерархии.

Особенностью же этого периода являлся его переходный характер, в котором новые отношения еще не пришли к отрицанию прежних общественных форм.

IV. Империя Тюрков. С середины I тыс. н.э. – до начала XIII века. Информацию о социальной природе государств тюркского периода достаточно в полной мере можно почерпнуть из деклараций памятников тюркской письменности, в работе Юсуфа Баласагуна «Кутадгу билиг» (Благодатное знание). В них отражается политическая доктрина

тюркской знати, стремление к мировому господству, сословные черты общества и парадигма власти: «Бодун – Эль – Торе», «Народ – Государство – Закон». Продолжая традицию хуннов, тюркский племенной союз политически был организован в Эль – имперскую структуру. Тюркский Эль возглавлялся каганом, опиравшимся на племенную аристократию, из которой комплектовалось «служивое сословие», т.е. военно-административное сословие. Была создана грандиозная система чиновников, выполнявших военные и гражданские функции. В китайских источниках приводится 28 разрядов чинов. Сущность социальной титулатуры состоит в том, что выделяются два сословия – знать и народ.

Доктрина верховной власти в тюркской концепции отражает: сакральную связь правителя с Небом-Тенгри. Конструкция полного титула, а также представления о движении каганской харизмы от неба через Мать-Землю к земному избраннику, о действиях монарха как исполнителя воли и носителя благодати божественных сил.

V. Империя Золотой Орды. Начало XIII века – первая половина XV в. В основу созданного Чингизханом государства был положен принцип военной организации. В Золотой Орде, в свою очередь, складывалась улусная система. Высшим органом верховной власти был *курултай*. Съезды чингизидов и военно-кочевой знати собирались также и в улусах. По утверждению Ибн Баттуты такое собрание носило тюркское название «той» и созывалось ежегодно.

Была установлена своеобразная система налогообложения местного населения. Кочевники-скотоводы обязаны платить «копчур» – одну голову со ста голов скота, «тагар» – налог для снабжения войск, делившийся на две части – «азук» – сбор продовольствия и «алык» – сбор фуража. Земледельцы платили налог «харджи – хараджат». Кроме прямых налогов население несло повинности – «конгла», содержание войск на постое, «джамалгы», обеспечение гонцов и административных лиц, уртонную повинность – содержание почтовых станций. Купцы уплачивали пошлины с товаров – «тамга». Учет велся по специальным реестрам – «дафтари». Непосредственное управление страной осуществлялось через специальный орган исполнительной власти – *диуан*, в который входили дамиры – секретари, битакчи – писцы, салыкчи – налоговые чиновники, казначии – чиновники финансового ведомства и их помощники – туткаулы, бакаулы и есаулы.

К началу XV века геополитическая ситуация в Восточной Европе и в самой Золотой Орде решается не в пользу Золотой Орды.

Вследствие этого государства, образовавшиеся на обломках Золотой Орды, трансформировались по-разному.

VI. Эпоха Казахского Ханства. Конфедерация стран Центральной Азии – Вторая половина XV в. – первая половина XIX в. Эпоха перелома (кризиса) Кочевой цивилизации в целом. На её основе образуются самостоятельные владения, в том числе и Казахское Ханство.

Ч. Валиханов в своих исследованиях отмечал: «казахи названия своих родов объясняют именами родоначальников, предков..., а современное соединение их в общий союз орд – каждое племя присоединившихся принимается за нечто неделимое, целое и принимает значение генеалогическое». Казахи считали себя рожденными *Тенгри*, но происхождение различных родов связывалось с различными героями – первопредками. Например: Алаш, Жанарыс, Бекарыс, Акарыс и т.д. Такова была степная традиция.

Многие моменты своего происхождения, своей истории казахский народ воссоздает в многочисленных легендах и преданиях. На основании анализа преданий и, с другой стороны, собственных наблюдений внутреннего родового строения своего народа Ч. Валиханов полагал, что *Алаш* как легендарный родоначальник казахов не исключает, что у казахов правитель обуславливается только в лице *хана* как богоизбранного предводителя. Исходным для такой реконструкции древнетюркской религии становится степная школа *шежире*. По этому поводу интересны замечания С. М. Соловьева: «... в истории ничто не оканчивается вдруг и ничто не начинается вдруг; новое начинается в то время, когда старое продолжается». Казахский народ, утверждал А. И. Левшин, «весьма давно известен в Азии, составляя одну из отраслей многочисленного тюркского племени, не уступает в древности ни другим соплеменным с ним народам». Он считал, что: «казах как имя собственное народа не подлежит ни переводу, ни этническим спорам».

Казахское общество рассматриваемого периода представляло собой иерархически организованную социальную структуру сословных групп и прослоек, находившихся между собой в тесных и неоднозначных связях. Именно разделение на две основные противопоставленные друг другу социальные группы – «ак суйек» и «кара суйек» – различалось не столько экономическими, сколько политическими и правовыми признаками. Другим основополагающим принципом общественного устройства была иерархия родов и племен. Соответственно, общественное положение каждого отдельного представителя «кара суйек» определялось степенью привилегированно-

сти его рода и племени. Наличие же трех жузов – *Улу жуза, Орта жуза, Киши жуза* – делало сообщество казахов крайне строго ранжированным. Во всех церемониях и торжествах строго соблюдался порядок старшинства.

О формах социально-политической организации казахского общества С. Г. Кляшторный и Т. И. Султанов сообщают, что в XV–XVI веке существовала улусная система и во главе стояли султаны, а во главе жузов – бии (XVII – начало XVIII), то есть двойная форма социально-политической организации. Административно-структурное переустройство было реорганизацией политической формы власти на республиканский строй с оформлением двойной формы социально-политической организации для устранения проявлений сепаратизма султанов в его улусных основаниях.

VII. Центральная Азия в составе России. II-я половина XIX в. – 1917 г. Эпоха деградации Кочевых государств. Большинство тюркских государств входит в состав Российского государства.

VIII. Центральная Азия в составе СССР. 1917–1990 гг.

IX. Современный период. С 1991 г. Образование СНГ, причем вполне закономерно, что влияние и сила инерции последнего фактически и сформировали современное устройство и лицо государств Центральной Азии. Большинство из них получили независимость.

Список использованной литературы

1. Бартольд, В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения / В. В. Бартольд. – Т. 1–2, М., 1963.
2. Валиханов, Ч. Собрание сочинений в пяти томах / Ч. Валиханов. – Алма-Ата, 1961–1972.
3. Гачев, Г. Национальные образы мира / Г. Гачев. – М., 1998. – С. 44.
4. Гумилев, Л. Н. Этногенез и биосфера Земли / Л. Н. Гумилев. – М., 2000.
5. Гумилев, Л. Н. Древняя Русь и Великая Степь / Л. Н. Гумилев. – М., 2003.
6. Кадырбаев, А. Ш. Золотая Орда как предтеча Российской империи. <http://www.ca-c.org/datarus/kadirbaev.shtml>.
7. Ключевский, В. О. Методология русской истории / В. О. Ключевский // Цивилизация: прошлое, настоящее и будущее человека. – М., 1988. – С. 194–195.
8. Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок / Д. Кшибеков. – Алма-Ата, 1984. – С. 380.
9. Кляшторный, С. Г. Казахстан. Летопись трех тысячелетий / С. Г.

- Кляшторный, Т. И. Султанов. – Алма-Ата, 1992. – С. 390.
10. Кляшторный, С. Г. Государства и народы Евразийских степей / С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов. – СПб, 2004. – С. 412.
 11. Кодар, А. Степное знание: Очерки по культурологии / А. Кодар. – Астана: Фолиант, 2002. – 208с.
 12. Левшин, А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей / А. И Левшин; сост. И. В. Ерофеева. – Алматы, 1996.
 13. Масанов, Н. Э. Кочевая цивилизация казахов: основы жизнедеятельности кочевничества. Алматы: Социнвест / Н. Э. Масанов. – М.: Горизонт, 1995. – 320 с.
 14. Хазанов, А. М. Кочевники и внешний мир / А. М. Хазанов. – Изд. 3-е, доп. – Алматы: Дайк-Пресс, 2002. – С. 362–460.

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ НА ФОНЕ ЭВОЛЮЦИИ СЕМЕЙНО-БРАЧНЫХ ОТНОШЕНИЙ

И. Ю. Кураев

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, г. Комсомольск-на-Амуре, Россия

Summary. Family and marriage is one of the most important channels of social mobility. The author assigns a task to trace the influence of family and marriage relations evolution on social mobility.

Key words: social mobility, evolution, family and marriage relations

В современной науке семья и брак считаются основными «социальными лифтами», благодаря которым индивид или группа индивидов (применительно к семье – дети, родственники, получившие дополнительную возможность благодаря удачному браку одного из своих) совершают социальные перемещения, как правило вертикальные, в обществе. Такие социально-статусные перемещения осуществляются путем предоставления определенного статуса членам семьи, в которую «вливается» индивид.

На заре становления человеческого общества брачно-семейные отношения могли существовать как промискуитетные. Разумеется, что социальной мобильности в традиционном её понимании не было, как не было и системы социальных рангов, статусов, иерархий.

С образованием первой человеческой организации – рода – на смену предыдущим промискуитетным связям приходят групповые,